

*К. Н. Шиловская, И. Ечина, Д. С. Попов,
Н. Закрошвили, Р. И. Джабраилов*

АНАЛИЗ КРИТИКИ Г. И. ЧЕЛПАНОВЫМ МАТЕРИАЛИЗМА В РАБОТЕ «О СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ»

1) Материализм отвергает душу, психическое, отождествляет её с физическим. «Всякий, кто поймёт, что это отождествление неправильно, поймёт... несостоятельность материализма».

Ксения Шиловская: Для начала обозначим, как Челпанов определяет материализм, а потом попробуем воспроизвести основные тезисы, оспаривающие это определение. Еще у древних материалистов – Эпикура, Демокрита, Лукреция – мы находим формулу, согласно которой мышление является движением материальных частиц. Среди последователей данного течения особо интересным представляется французский материалист XVIII в. Жюльен Офре де Ламетри, который видел зависимость духовных явлений от физических. Все душевные способности, по его мнению, подвластны телу, и, следовательно, мышление является свойством материи. Так, Ламетри видел связь между болезнями духа и болезнями тела. Подобную точку зрения развивал Поль Анри Гольбах, дополнив ее замечанием, что только организованная материя обладает способностью к мышлению. В работе «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного» Гольбах пишет о том, что жизнь является совокупностью движений, которые свойственны организованному существу, а движение является лишь свойством материи. Французский физиолог Пьер Жан Жорж Кабанис утверждал, что мозг выделяет мысль подобно тому, как печень выделяет слизь. Интересно отметить, что многие философы-материалисты так или иначе работали с телом человека, например: Ламетри был врачом, а Эрнст Генрих Геккель – естествоиспытателем. Поэтому не удивительно, что они пытались связать духовные явления с физиологической природой человека. Итак, согласно всем представленным вы-

ше мнениям, истинной реальностью обладает только материя, которая подчиняет себе все духовное, а также может становиться причиной психического. Челпанов, занимая противоположную позицию, пытается оспорить отождествление психического с физическим и показать несостоятельность материализма. Разницу между этими двумя явлениями можно проследить на очень простом примере: настоящее, реально существующее дерево и наша мысль о дереве не являются тождественными; помимо реальных физических предметов существуют и отличные от них психические реальности. Мы можем описать дерево, например, место его нахождения в пространстве, но сделать нечто подобное с нашим представлением о дереве невозможно. Вслед за Челпановым мы можем вывести, что коренное различие между психическим и материальным заключается именно в неприменимости предикатов протяженности.

Ирина Ечина: Если проводить такое различие, то физическое – то, что можно ощутить: понюхать, попробовать, потрогать. Психическое же – то, что можно представить, узнать, понять, – тоже ощутить, но ощутить движением мысли, разума. Если одно отождествлять с другим, то взгляд на мир становится однобоким, нет никаких альтернатив. Но кто даст гарантию, что именно этот взгляд правильный? Как понять истинность, как определить критерий? Кроме того, как можно отрицать те же эмоции человека, чувства, переживания? Разве их мы можем ощутить физически? А если отождествлять физическое и психическое, то получается, что отвергается и наличие чувств (так как чувства всё-таки относимы к душе), которые, тем не менее, есть. Не всегда то, что существует, может быть подтверждено вещью или явлением физическим, материальным, но это не значит, что этого нет. Если мы отрицаем душу, духовную составляющую, то мы превращаем человека в машину, которая механически выполняет те или иные действия.

Данил Попов: Само по себе, взятое вне более общего контекста это утверждение представляется не имеющим никакой силы. Более того, это в некотором смысле даже и не аргумент: «всякий кто поймет – поймет»: это всего лишь неправомерные благопожелания. И действительно, речь может идти, по меньшей мере, о «душе» как о некоей реальности, возникающей в процессе со-бытия людей друг с другом, которая не сводится к материальности, но в то же время не представляет собой некоей духовной сущности, субстанции и пр. (некоего рода социальный реализм).

Нино Закрошвили: Сам Челпанов, когда опровергает гносеологический аргумент материалистов, говорит, что материалист доказывает правильность своей точки зрения тем, что существование материи очевидно, между тем как существование духовного лишено

очевидности, нуждается в доказательстве. По его мнению, реальность материальных вещей, т. е. реальность того, к чему можно прикоснуться руками, несомненна, а реальность того, что имеет совершенно бесплотный характер, как, например, духовные процессы, должна быть доказана. Челпанов считает это рассуждение материалистов несостоятельным потому, что «существование духовного так же очевидно, как и существование материальных вещей: наши “чувства”, “желания”, “мысли” имеют такое же несомненное существование, как и мир материальный. Притом же связь между миром материальным и миром духовным такова, что мы не можем признать существования материальных явлений без того, чтобы не признать в то же время существования и психических явлений. В этом смысле мы можем сказать, что реальность данных сознания так же непосредственно очевидна, как и реальность материальных вещей». В этом смысле можно сказать, что материалисты учитывают только материальные предметы, забывая про реальность переживаемых интенциональных объектов; также очевидно, это те материалисты, у которых еще не «исчезло» вещество вследствие распадающегося атома («квантовый вакуум»).

Руслан Джабраилов: Говоря о материализме, Челпанов сводит его содержание к 5 пунктам: 1) мысль есть движение материальных частиц; 2) мысль есть свойство органической материи; 3) мысль есть выделение мозга; 4) мысль есть функция мозга; 5) мысль есть продукт движения материальных частиц. Челпанов доказывает, что философия может быть только идеалистической: это метафизика, так как она сводится к изучению природы вселенной. При этом он понимает философию как систему наук, но не в формате позитивизма (берёт за основу системность философии как критерий её метафизичности). Однако современный философский дискурс уже нельзя свести к той классической парадигме, которую предложил Фридрих Энгельс (а именно, деление философии на материализм и идеализм согласно критерию – отношению бытия к сознанию). Нужно занять среднюю позицию между двумя этими крайностями, чтобы иметь возможность и критиковать, и поддерживать обе эти точки зрения с целью раскрыть весь потенциал философии.

2) «Различие между психическим и физическим должно просто сделаться ясным; здесь ничего доказывать не приходится. Кто это различие усмотрит, для того больше не существует материализма».

Ксения Шиловская: Этот тезис Челпанова оспаривает положение о мышлении как свойстве материи. Основной ошибкой, по мнению философа, является определение «свойства» как чего-то реального, находящегося в вещах, подобно цвету или фактуре. На самом же деле свойство материи является отношением, которое установи-

ло наше познание. Так, когда мы устанавливаем, что два тела притягиваются или отталкиваются друг от друга, это является лишь нашим восприятием этого процесса, а не действительным нахождением этого свойства в самих вещах. «Мысль» же является реальностью, которую мы восприняли. Согласно ранее доказанному положению о том, что к мыслительным процессам нельзя применять предикаты протяженности, мы можем установить, что понимание мысли как некоего материального выделения мозга является ошибочным. Поэтому неправильным будет считать мысль физиологическим процессом. Другой подход к пониманию мысли как к выделению мозга, а именно как зависимости мышления от деятельности мозга, Челпанову представляется вполне оправданным.

Ирина Ечина: Каждое из высказываний настолько содержательно, несмотря на краткость, что просто даже нечего добавить. Остаётся только согласиться или нет. Вполне очевидно, что психическое и физическое – не одно и то же, они не тождественны. Скорее, это как две грани человеческого существа – равнозначные и не сводимые друг к другу. Мысль (как отнесённую к сфере психического) невозможно описать физическими категориями (форма и проч.). То есть если про тот же стол мы можем сказать, что он имеет определённую форму, состоит из определённого материала, то о мысли мы так сказать не можем. Мы можем зафиксировать мысль на бумаге, тем самым придав ей некоторую материальность. Но она не станет от этого материальной по сути своей.

Данил Попов: Представляется, что это утверждение можно рассматривать в двух смыслах. Во-первых: ничего доказывать не нужно – различие *res cogitans* и *res extensa* настолько самоочевидно, что нет и смысла приводить корпус доказательств. Понимаемое в данном ключе, это утверждение Челпанова сближается с его тезисом, рассмотренным выше. Более примечательным видится иное понимание его слов: различие должно сделаться ясным, и для того, кто все-таки проникнется той идеей, доказательства уже становятся не нужными. На их место приходит убеждение, не нуждающееся в них. Однако что есть такое убеждение, как не произвольно взятое положение? Мишель Фуко в отношении последнего, становящегося у некоторых мыслителей основанием для выведения Истины, замечал: «Убеждения имеют дураки». Философия знает целые эпохи, когда «теоретический философский дискурс рождается из первичного экзистенциального предпочтения» (П. Адо). Однако в таком случае стоит признать плюрализм мнений и не пытаться обвинять мыслителей других направлений в некомпетентности и неспособности понять простейшие истины. Коль скоро философия претендует на то, чтобы стремиться к утверждению истины, а не собственного

мнения себе же в угоду, она не может просто базироваться на том, что вдруг «просто сделалось ясным». Так, Ницше характеризует предшествовавших ему философов как тех, кто «дружно притворяются людьми, якобы дошедшими до собственных мнений через саморазвитие холодной, чистой, божественно-беззаботной диалектики... меж тем как в сущности они с помощью подыскиваемых задним числом оснований защищают... превращенное в абстракцию и профильтрованное сердечное желание».

Нино Закрошвили: Сам Челпанов в «О методах психологии» замечает, что «между тем, что называется миром психическим, и тем, что называется миром физическим, между миром внутренним и миром внешним существует огромное различие. Познание того и другого мира получается различными путями. Для познания мира психического существует метод самонаблюдения (Челпанов был приверженцем теории интроспекции в связи с психическими феноменами), для познания мира физического существует метод внешнего наблюдения. Метод самонаблюдения иначе называется *методом субъективным*. Метод наблюдения над физическим миром называется *методом объективным*. А если способ познания совершенно иной, то это значит, что между миром физическим и миром психическим есть непроходимое различие, и говорить, будто мысль, нечто психическое, есть движение вещества, которое представляет из себя нечто физическое, совершенно неправильно». То есть Челпанов настаивает на принципиальном различии между вещами материальными и вещами интенциональными. Также надо иметь в виду, что Челпанов признавал за дуализмом большую степень способности к исчерпывающему объяснению, так как считал, что из материального никак нельзя вывести духовное, поскольку оно взаимодействует с объектами разного порядка. Для него возможна только идеалистическая философия. Но можно предположить, как это сделал Вернадский, что существует некая великая «геологическая сила», создающая биосферу и затем ноосферу, то есть, иначе говоря, что сознание присутствует в том или ином виде в любой материи, и тогда это уже не обязательно дуализм по типу «что первично», но, скорее, дуализм чистого *coincidentia oppositorum*.

Руслан Джабраилов: Большой упор у Челпанова сделан на психическом аспекте, на том, как психика относится к материи и наоборот. И здесь он себе сам противоречит, потому как говорит про психическое как про более очевидную реальность. В связи с этим к нему вопрос: а разве идеализм не может быть реальностью? Это такая реальность, которая одновременно зрима и незрима для человека, момент её схватывания должен стать для нас перспективной задачей, если мы хотим расширить горизонт нашего познания. Го-

воря так об определённого рода психологизме, он сам, на мой взгляд, скатывается в материалистический способ доказывания примата бытия над сознанием, ибо материя – это то, что окружает нас, пронизывает всю нашу жизнь как таковую, нашу деятельность и сам процесс нашего сознания (в той или иной степени, у каждого это проявляется по-разному).

3) «Если допустить, что первоначально существовала только материя, то нельзя было бы объяснить существование сознания, психического, так как из материи нельзя вывести психического».

Ксения Шиловская: «Мысль есть продукт материальных частиц». Из движения материальных частичек возникает психическое, этот процесс может носить физический характер, подобный превращению одного вида энергии в другой. Но поскольку психическое в таком случае должно существовать в виде какой-либо энергии, то оно становится уже физическим явлением. Если же мы рассматриваем мысль не как нечто, состоящее из материальных частичек, то тогда такое превращение вообще не представляется возможным, поскольку из материального может появиться только материальное. Получается, что все процессы физического мира, которые сводимы к одной из видов энергии, не могут создать ничего потенциально нового, нематериального характера. Физические процессы могут вызвать психические, но не превратиться в них. Соответственно, можно утверждать, что между психическим и физическим миром существует какая-то взаимосвязь, но не отношения подчинения.

Ирина Ечина: Если даже допустить не разделение, а то, что психическое выводится из физического, то такое не видится реальным. Это две разные сферы, два начала человеческого существа. Сознание само по себе не имеет материального воплощения, материального эквивалента. И вывести его из материального начала не представляется возможным (мы не говорим о сознании как о материальном предмете). Несмотря на то, что физическое и психическое в равной степени относимы к человеку и важны для него, это как два разных по природе своей начала. Есть различные вариации человеческого поведения, но в большинстве своём человек поступает осознанно, сознательно делает что-либо – способен давать отчёт о своих действиях. То есть сознание так или иначе существует. А это, в свою очередь, уже исключает предположение, что изначально могла существовать только материя. Потому что сознание – сфера психического. Материализм отрицает душу, психическое, а, следовательно, и сознание, тем самым противоречит действительности.

Данил Попов: Видится вполне очевидным, что в своей аргументации в целом Челпанов испытывает сильное влияние предшествующей идеалистической традиции. Вышеприведенный аргумент в

пользу идеализма (как и частично другие) чрезвычайно схож с формулировкой Фихте из «Первого введения в наукоучение»: «В интеллигенции имеется двойной ряд: бытия и созерцания, реального и идеального; и в неразрывности этого двойного ряда состоит ее сущность (она синтетична). Вещи, напротив, присущ лишь один простой ряд, ряд реального». Иными словами, Фихте постулирует принципиальную невозможность объяснить интеллигенцию исходя из материи. Напротив, материя вполне успешно может быть объяснена, если объяснение берет идеализм за исходный свой пункт. Именно этот аргумент воспроизводит Челпанов. Однако то, что было очевидно для ученого-философа XVIII века, в XXI и даже в XX веке может не выдерживать никакой критики и считаться мнением недостаточно сведущей и развитой в естественнонаучном плане эпохи. И уже с позиций современного физикализма можно вполне вывести психические процессы из их материальной основы («душа» – продукт высшей нервной деятельности). Однако данный тезис можно опровергнуть и просто указанием на то, что примеры выведения психического из физического все же имели место. Они не невозможны и не нелепы. Достаточно вспомнить Вернадского, который, в частности, признавал различия между неживой и живой материей условными.

Нино Закрошвили: Из материального нельзя вывести жизнь психического, так как, как говорит Челпанов, если предположить, что у атома не было в потенциальности способности мышления, что он не обладает вообще ни на каком уровне сознанием, то тогда не ясно, как множество атомов могут порождать соединения духовного порядка. Челпанов видит здесь *petitio principii*: «Чтобы сделать из указанных фактов вывод, что духовное получается из материального, нужно признать, что вообще материальное выводимо из духовного. Но ведь можно допустить, что та материя, из которой материалист хочет вывести жизнь и сознание, изначально обладает сознательностью; между тем, материалист исходит из положения совершенно не доказанного, что первоначально существует только безжизненная материя. Доказательство материалиста оказывается абсурдным потому, что, если какая-нибудь одна материальная частица не имеет внутреннего состояния, то представляется непонятным, каким образом это внутреннее состояние получится, если частиц будет много. Если отдельный атом не обладает способностью мыслить, то эта способность не приобретается в том случае, если атомы составят сложное соединение».

4) «Из двух данных нам родов явлений – материальных и психических – психические явления обладают более очевидной реальностью. То, что мы называем материальным, есть наше представле-

ние. Материальные вещи даны нам только как представления».

Ирина Ечина: И это так, потому что зрение человека избирательно – он видит то, что хочет видеть. И так же, когда человек занят идеей, он видит её повсюду: в музыке, живописи, литературе, произведениях кинематографа – везде. Поэтому материальные вещи и можно назвать нашими представлениями: они непосредственно отражают то, что тревожит нашу душу. И как бы ни были реальны другие предметы, явления, мы не придаём им особой значимости в силу просто меньшей заинтересованности. И если так, то получается, скорее, обратное: физическое уже как будто происходит из психического. Но это не совсем так. Сравнить физическое и психическое бессмысленно, как и выводить одно из другого. Всё имеет свои сильные и слабые стороны, плюсы и минусы. И принимать одну из сторон (материализм / идеализм) – это становится в крайность. Человек всегда стремится (или должен стремиться) к «золотой середине». Но ведь принимая одну из позиций, тем самым отвергают другую. А это неправильно.

Данил Попов: Психические процессы (то, что происходит в нашем сознании), с одной стороны, обладают самоочевидной достоверностью. Таким образом утверждается безусловная истина *ego cogito*. С другой стороны, внешний мир, в том числе и другие индивиды, даны нам лишь через призму нашего сознания. Мы не можем соприкоснуться с ними напрямую. Думается, что подобный аргумент, апеллирующий к славной философской традиции картезианской философии, которая получила развитие в феноменологическом движении XX века, а также к философии Канта и Шопенгауэра (тематика представления), является наиболее мощным и заслуживающим внимания. Рассмотрим, например, тезис Гуссерля. Рассуждая о принципиальной первичности и аподиктичности достоверности сознания, он пишет, что «естественному бытию мира – того, о котором я только и веду и могу вести речь, – в качестве самого по себе более первичного бытия предшествует бытие чистого *ego* и *ego cogitationes*... все относящееся к миру, все пространственно-временное бытие есть для меня, значимо для меня, именно благодаря тому, что я познаю его в опыте, воспринимаю его, сужу или как-то думаю о нем, оцениваю его, желаю и т.п.». Действительно, сознание (психическое) является условием восприятия внешнего мира. Однако можем ли мы сделать вывод о «духовной природе» сознания и, напротив, о материальности мира при такой установке? Очевидно, что нет. Подобная феноменологическая позиция рассматривает внешний мир не сам по себе, а только лишь как феномен с помощью *epoché*. Подобным же образом обстоит дело с сознанием. Иными словами, феноменологическая установка открывает большие перспек-

тивы для философии и науки, однако с её помощью нельзя решить вопрос о различии материи и духа, ввести в философию «душу», наделить её субстанциональностью, описать её сущность. Из всех рассмотренных тезисов Челпанова, на наш взгляд, только один является достаточно обоснованным для критики материализма, однако не в пользу идеализма, его извечного соперника, а, скорее, в пользу агностицизма. Думается, что остальные тезисы не являются серьезными аргументами в пользу идеализма. Однако это не значит, что материализм является самой допустимой формой воззрения на мир. Его можно и нужно критиковать, однако делая это несколько с других позиций и с иной аргументацией.

Ксения Шиловская: Самым интересным доказательством несостоятельности материализма представляется доказательство с помощью гносеологического аргумента, согласно которому наши чувства, эмоции, желания имеют такой же несомненный характер, как и явления материального мира. Мы, скорее, готовы признать, что яблоко, которое мы видим, реально не потому, что оно существует в действительности, а потому, что у нас есть четкое осознание его наличности. Более того, все наши знания о материальных вещах носят психический характер. О том, что какая-то вещь красивая или тяжелая, мы судим только согласно собственным ощущениям; получается, что мы самостоятельно приписываем признаки какому-либо материальному предмету. Наверное, многие сталкивались в жизни с ситуациями, когда какой-то предмет представляется нам неподъемной тяжестью, в то время как наш спутник с легкостью может нести его, не прилагая особых усилий. Это же можно сказать и о цвете, ведь его восприятие является субъективным психическим актом, и многие люди могут по-разному описать один и тот же предмет: кому-то он будет видаться серым, а кому-то – синим. Само по себе материальное тело остается для нас непостижимым, мы наделяем его соответствующими характеристиками благодаря нашему восприятию. Нам не дан непосредственно предмет – основа материальных вещей, он является предметом умозаключений. Однако материя все равно является чем-то большим, чем нашим представлением, поэтому, по мнению Челпанова, сознание не создает материю. Философ заключает, что то, что мы называем духовным и материальным, является лишь «абстракцией» переживаний. Сущность концепции Челпанова можно выразить вкратце его же словами так: «реален только дух».

Нино Закрошвили: Вообще в этом тезисе чувствуется влияние Декарта на Челпанова. Поскольку мы помним, что почти такой же точки зрения придерживался Декарт, когда радикально заявлял свое «*cogito ergo sum*» (в терминах Челпанова, это выражение непогре-

шимости очевидности фактичности интродукции). Декарт утверждал, что содержимое мышления может быть не всегда правдивым, как в случае, например, со сном или с умалишенным, но сама фактичность мышления неустраима (*res cogito*), вне оценок соответствия того или иного представления действительности. Челпанов настаивает на том, что материальные вещи так или иначе всегда опосредуются сознанием и представлением этих вещей. Он указывает на несостоятельность формулы материализма, согласно которой «мысль есть движение вещества». Челпанов заявляет, что «мысль не может быть движением вещества, потому что движение вещества есть нечто, совершающееся в пространстве, между тем как мысль, психическое, совершенно чуждо какой бы то ни было протяженности. Как же можно соединить то, что не имеет никакой протяженности, с тем, что протяженно? Всякий согласится с тем, что это абсолютно немыслимо. Но отчего же, однако, утверждают, что “мысль есть движение материальных частиц мозга”? Это происходит оттого, что когда произносят эту фразу и говорят “мысль”, то обыкновенно думают не о мысли, а о материальных частицах мозга. При ясном различении мысли от мозга нельзя утверждать, что, например, мысль о доме есть движение частичек мозга. Мысль, как мысль, непротяженна». В целом с ним можно согласиться, если понимать под протяженностью именно внешнюю протяженность. Но если предположить, что сознание тоже имеет свою протяженность, только иного формата, то с необходимостью следовало бы допустить специальную протяженность «сознания» (например, как взаимодополнительность протяженности классической физики и квантовой). Также можно было бы сослаться на современного философа Грэма Хармана – представителя объектно-ориентированной онтологии, для которого важна сама принципиальная глубина реального объекта, который всячески укрывается от нас и способен являться нам лишь посредством перехода из ноумена и автономной реальности в область феномена, которая в свою очередь возможна только в рамках «интенционального сознания» Гуссерля или «чувственных объектов», как выражается Харман. Он считает, что Гуссерль наталкивается на парадокс, заключающийся в том, что «интенциональность и одна, и их две» (из работы Хармана «О замещающей причинности»). Он считает, что наши встречи с вещами единичны, при этом субъект никогда не сливается с ними в единую массу, то есть объекты в восприятии все равно остаются отделенными от субъекта.

Руслан Джабраилов: Итак, во-первых, критика материализма Челпановым – это критика незавершённая, односторонняя, требующая пояснения на уровне очерчивания оснований для того, чтобы

можно было спорить в той стезе, в которой задумывал спор сам автор (метафизический мотив). Во-вторых, лично для меня психологические аспекты личности человека не всегда столь очевидны, потому что в повседневной жизни мы часто можем сталкиваться с обратной стороной человеческой природы (отключением или сознательным игнорированием психических процессов нашего организма и сознания в целом). И, в-третьих, если уж мы затрагиваем вопрос о вещах как о материальном представлении, то здесь надо сказать, что любая наша деятельность, любой её продукт, включая продукты нашего сознания, – это, в конце концов, материальный результат в своём конечном итоге и по сути своей вообще.